

Ведется работа над редактом!

У тех, кто страдает депрессией, в голове часто звучит эхо надвигающегося тиканья, которое постепенно становится все громче по мере ухудшения жизни. Он стал громче, когда я бросил университет, и еще громче, когда заболела моя мать. А когда мне было 27 лет, он уже стал оглушительным. Мне было близко к 30, а я никуда не продвигался.

Тик-так, тик-так.

Я медленно шел к скучной смерти.

Каждый день для меня был одинаковым. Просыпался, работал, шел домой, работал ночью, потом, наконец, спал. На следующий день цикл начинался заново. Я хотел большего. Я мечтал о большем, о том, чтобы просто сбежать. Но кто тогда будет заботиться о моей матери?

Она всегда так надеялась, когда я навещала ее перед ночной уборкой в офисе.

"Не унывай, Ю-Чжин", - всегда говорила она мне. "Первый шаг к отличному дню - это сказать себе, что так и будет. И ты должна правильно питаться. Ты стал таким худым, сын мой".

"Это будет хороший день". Я прощался с ней и уходил на работу. Ее рак прогрессировал до такой степени, что ей нужно было оставаться в клинике. В некоторые дни она была так слаба. Видя ее в таком состоянии, я часто начинал слишком громко отсчитывать время до моей смерти.

"Е Чжун, ты идиот!" крикнул мой начальник через дверь в уборную. "Хватит мечтать, начинай убирать".

Большую часть времени я был как зомби, бездумно работая. Сразу же вынырнув из своих мыслей, я повернулся лицом к туалетам, которые должен был мыть. Это была моя самая нелюбимая работа.

Я решила помыть унитазы в последнюю очередь и начать с зеркал.

Взглянув в зеркало уборной офисной башни "Ксион", я увидел свое неутешительное отражение. Я был худым молодым человеком в синем комбинезоне и очках над темными глазами. Мои волосы были отросшими, беспорядочными и отчаянно нуждались в стрижке, хотя под ними вообще мало что можно было разглядеть. Более того, те черты, которые у меня были, тоже не отличались особой примечательностью. Я был просто еще одним прыщавым парнем с нормальной внешностью. Я не был уродливым. Просто я был настолько обычным, что был практически незаметен для всех.

Услышав шаги за дверью уборной, я поспешно начала чистить зеркало, но человек, вбежавший в дверь, не был моим начальником. Я не разглядела его лица, когда он вбежал, но он был одет в костюм, который, вероятно, стоил больше, чем все, чем я владела.

По тому, как бешено парень бросился в туалетную кабинку, я уже догадался, что ему очень нужно в туалет, но все оказалось гораздо хуже, чем я ожидал. К тому времени, как парень спустил воду, я уже была готова потерять сознание.

Мне хотелось уйти, но я также знал, что мой мудака начальник просто прикажет мне вернуться сюда и закончить работу. Поэтому я заставила себя остаться и держала себя в руках, пока парень все спускал. Это было так плохо, что слезы катились из моих глаз.

Наконец, он вышел и вздохнул.

"Это было приятно", - сказал он, потирая руки с довольным выражением лица. Он был красив, у него были короткие волосы с небольшой чёлкой спереди, что делало его похожим на знаменитость. Нос у него был крупноват.

Я не сразу поняла, что видела его раньше. Мы вместе учились в университете.

Я попыталась спрятать лицо в ведре, в котором хранился мой уборочный инвентарь, надеясь, что смогу выловить из него вещи и пробраться в одну из кабинок так, чтобы он меня не заметил.

"Йе Чжун?" сказал он, подняв глаза. Он перестал мыть руки и удивленно уставился на меня. "Ким Е Чжун." Он шлепнул меня по спине своей мокрой, не до конца вымытой рукой.

Слишком поздно.

"Чонхо, это ты?" спросил я, пытаюсь изобразить удивление.

Я помнил Чонхо по ряду размытых воспоминаний. Вместе с несколькими другими отморозками мы проводили время в университете, напиваясь до чертиков каждую ночь. Бездонный алкоголь и многочисленные клубы промелькнули в моей памяти.

"Боже, без тебя я бы не справился с первым годом", - сказал Чонхо. "Но потом ты обленился. Посмотри на себя сейчас".

Я и забыл, как сильно я его ненавидел. Этот парень был бездарным, ленивым придурком. Он обчищал меня и всех остальных, кого мог, и он никуда бы не пошел без денег и влияния своего отца. Но здесь была возможность.

"Эй, Чонхо, у нас были хорошие времена, верно? Я тоже неплохо учился в университете. Может быть, ты сможешь показать мое заявление нужным людям наверху".

Чонхо усмехнулся: "Конечно, чувак. Отдай его мне".

Я уже собирался поблагодарить его, когда он положил ладонь мне на лицо, выражение его лица стало тусклым и серьезным.

"Я положу ваше заявление туда, где оно должно быть, вместе со всеми остальными, выброшенными в мусорную корзину. Зачем мне порочить доброе имя компании моего отца ради твоей глупой задницы?".

Это было как пощечина. Моя рука вибрировала от гнева. Чонхо вытер руки и бросил в мою сторону туалетную бумагу, которой он пользовался, когда выходил.

Прежде чем он успел уйти, он просунул голову в дверь и улыбнулся. "Как твоя мать? Она была такой сексуальной. Может быть, мне стоит навестить ее в ближайшее время".

Они называли это "увидеть красное". Момент, когда все остальное исчезает, и все существо человека превращается в пустоту необузданного гнева. В этом состоянии люди были неудержимой силой, и в этом была проблема.

Я не мог объяснить, как я двигался так быстро, но мой кулак с хрустом врезался ему в нос, когда он еще просовывал свою самодовольную голову в дверь. Он рухнул на пол в коридоре, а я набросился на него, пока он не успел прийти в себя, нанося удар за ударом.

Потребовалось несколько человек, чтобы остановить меня. К тому времени мой гнев угас, и я пришел в себя. Кровь Чонхо залила мои больные костяшки пальцев.

Я только что разрушил всю свою жизнь. Я повесил голову, пока Чонхо кричал, что они должны меня избить. Мой начальник поклонился ему и ударил меня по лицу, но я едва почувствовал это. Что я наделал? Мне нужна была эта работа, чтобы оплатить лекарства для мамы и расходы на ее госпитализацию.

В ту ночь я спала в полицейском участке. Это было похоже на кошмарный сон. Я надеялся, что скоро проснусь и вернусь к своим обычным делам, к тому, что буду невидимой фигурой, которая просто работает, чтобы выжить.

Через несколько часов за мной пришел полицейский, которого я знал много лет, детектив Ян Кюн, и вывел меня через черный выход из участка, проведя мимо офицеров, которые смотрели на меня с сердитыми лицами. На улице было еще темно, значит, с момента происшествия прошло всего несколько часов. Именно столько времени мне понадобилось, чтобы все разрушить.

Он зажег сигарету и спокойно закурил, после чего передал ее мне, и мои руки задрожали, когда я взяла ее. Я сделала затяжку, и когда я опустил сигарету, детектив Янг выбил воздух из моего нутра.

Я рухнул на землю.

"Когда умер твой отец, я поклялся оградить тебя от неприятностей. Твоя жизнь была нелегкой, но этому нет оправдания".

Я стоял на коленях, держась за живот, куда он ударил меня, и изо всех сил пытался восстановить дыхание.

"Пошел ты", - прорычал я сквозь стиснутые зубы. "Ты ни хрена не сделал. Ты просто наблюдал. Все просто смотрели, как все становится хуже и хуже с мамой. Так что пошел ты и твоя помощь".

Я поднялся на ноги и встал лицом к лицу с ним.

"Твой отец был бы так разочарован".

Мой отец был офицером полиции и погиб, когда я был еще ребенком. Тогда я был еще так мал, что все, что я помнил о нем, было лишь небольшими воспоминаниями.

"Я и другие собрали все, что смогли". сказал детектив, доставая смятый коричневый конверт.

Открыв его, я обнаружил банковский чек с крупной суммой на нем.

"Этот мальчик и его люди сделают все возможное, чтобы вы никогда не увидели тюремной камеры, а может, и того хуже. Ты должна уехать. Это для твоей матери. Отдай это заведующей клиникой, доктору Соль. Она позаботится о вашей матери и будет держать вас в курсе ее состояния. Я не хочу, чтобы твоя мать видела, как мы тебя сажаем, так что прощайся и уходи отсюда, парень. Ты же не хочешь, чтобы эти парни знали, где она".

Гнев внутри меня ослаб. Сейчас было не время злиться. Мне нужно было двигаться. "Спасибо тебе за это."

"Отплати мне тем, что убежишь и больше никогда не сделаешь ничего подобного. Я буду продолжать помогать твоей маме, когда это закончится. Я должен был помочь раньше".

Я побежал домой, схватил рюкзак и нагрузил его едой и одеждой на дорогу. Все равно кроме моей кровати и крошечного телевизора больше почти ничего не было.

Я уже собирался открыть дверь, чтобы уйти, когда услышал голоса со стороны входной двери. Держась на ногах, я пробрался к окну и выпрыгнул через него, прежде чем у того, кто шел за мной, хватило ума скрыться в задней части здания.

Прежде чем они поняли это, я уже исчезла, но я чувствовала себя такой беспомощной. По правде говоря, я уже давно так себя чувствовал. Ни денег, ни влияния, чтобы изменить ход моей жизни. Когда я взбегала по лестнице в клинику моей матери, эти мысли крутились у меня в голове. У меня даже не было сил исцелить ее или назначить ей лучшее лечение.

Я была рада, что нашла ее спящей, так как бывали случаи, когда ее боль была слишком ужасной для нее. Я не мог смотреть, как она страдает, но я был так чертовски бессилён.

Слезы катились на кровать. Прежде чем оставить ее, я прошептала: "Это будет хороший день".

Попрощавшись, я подошла к заведующей клиникой.

Она долго держала чек в руках, прежде чем заговорить. "Почему бы вам просто не извиниться перед этим человеком?"

"Возле моего дома были люди. Я ничего не могу сделать, чтобы выбраться из этого. Если не полиция, то семья этого парня пошлет за мной толпу. Я не могу рисковать тем, что моя мать будет вовлечена в это".

Доктор Соль покачала головой. "Это неправильно, но я позабочусь о ней. Хотя у нее будут вопросы".

Я задумалась на секунду и попросила лист бумаги и ручку. Я написала длинное письмо маме, но мне казалось, что оно недостаточно длинное. Мне было так стыдно.

Я попрощалась с доктором Соль и поспешила на автобусную станцию. Мне нужно было поскорее уехать из Сеула. У меня был друг в Ансане, и я надеялась, что он мне поможет.

Автобус будет идти несколько часов, поэтому я накинула капюшон на голову и пошла к ближайшему магазину, заметив серебристое отражение на улице перед собой, пока шла к нему. Улица была пуста, так как было еще очень рано.

Через несколько шагов я обнаружил внутри света человека в странной замысловатой одежде.

"Должно быть, они пьяны", - подумал я про себя. У меня уже было столько проблем, что мне не нужна была еще одна, но потом я увидел кровь, заливавшую человека. Она почти мерцала.

Я подбежала, не раздумывая. Почему это должен был быть я? У меня и так уже столько всего

случилось.

Человек, должно быть, был в костюме и гриме, потому что его лицо было слишком бледным, а уши длинными и остроконечными. На них были поношенные серебряные доспехи. Длинный серебряный меч лежал рядом с ними, дополняя их глаза, голубые оттенки которых были самыми яркими и сияющими из всех, что я когда-либо видел. Это была самая красивая женщина, которую я когда-либо видел вблизи. Она казалась нереальной.

Я шагнул мимо света, чтобы подойти к ней, но почувствовал, что ослабел, как будто из меня высосали все силы.

Короткий шаг, который я сделал к женщине, превратился в крик, когда я начал падать и с грохотом упал на спину. Подняв голову, я дважды моргнул, сочтя пейзаж слишком странным, чтобы быть реальным.

Луна была... оранжевого цвета.

Неужели я пропустил какой-то выпуск новостей? Это было какое-то затмение?

Я понял, что нахожусь на бетонной земле, но меня раздражало то, что она была мокрой. Подняв руку, чтобы проверить, отчего это произошло, я обнаружил, что моя ладонь вся в крови. Я посмотрел рядом с собой, и мой взгляд остановился на женщине, которую я видел раньше. Несмотря на то, что в армии у меня была только базовая медицинская подготовка, я мог сказать, что она потеряла слишком много крови. Все вокруг нее было залито кровью.

Я попытался надавить, отчего женщина поморщилась от сильной боли и тихо заговорила на тихом, похожем на песню языке, которого я не понимал. Почему она была в этом костюме и гриме? Это была странная туристическая фишка? Я изо всех сил старался продолжать надавливать на рану, но количество крови, вытекающей из нее, по-прежнему вызывало тревогу.

Окровавленными руками я достал свой телефон и попытался вызвать скорую помощь, но сигнала не было. Женщина смотрела на него широко раскрытыми от удивления и страха глазами. Неужели она никогда раньше не видела таких? Туристы были странными. Что еще важнее, почему у меня не было подключения к сети? Я был здесь один.

Я стянул ее зеленый плащ, чтобы проверить рану, и обнаружил две длинные, глубокие раны на правой стороне ее тела. Они были такими, как от ножа или мачете, или... Я посмотрел рядом с ней.

Меч.

Кто в наши дни носит такое устаревшее оружие?

На фоне моего замешательства женщина притянула меня к себе, ее губы с огненно-рыжими волосами прошептали что-то на своем странном языке. Затем она притянула мое лицо к своему. Я подумал, не хочет ли она сделать "рот в рот", но вскоре она положила руку мне на щеку, из нее полился золотистый свет.

Ее слова изменились.

"Ты должен бежать, путник. Спасайся, я не знаю, откуда ты пришел, но этот мир слишком жесток для того, кто попытается спасти незнакомца, как ты пытался спасти меня".

"Все будет хорошо. Ваши раны можно залечить". В армии нас учили поддерживать позитивный настрой наших пациентов, поскольку ничто не убивает быстрее, чем сдача. Но эта женщина, похоже, даже не была в здравом уме.

"Кто-нибудь может помочь? Эта женщина умирает". воскликнула я.

Но когда я поднял голову, я понял нечто гораздо более странное, чем огонь вокруг луны или форма головы этой женщины. Я находился не на той улице, по которой шел. Как будто я провалилась в дыру и приземлилась в развалинах какой-то заброшенной старой церкви.

Истекающая кровью женщина закрыла мне рот рукой.

"Ты, дурак, ты вызвал их сюда".

"Я пытаюсь позвать тебя на помощь".

Я услышал приближающиеся шаги, все они были слишком тяжелыми, чтобы принадлежать человеку обычного роста. Точно так же и люди, которые вскоре появились из темноты, выглядели не так, как я.

Должно быть, это костюмированная вечеринка туристов", - подумал я.

"Твоему другу нужна помощь", - сказал я им, их лица все еще были скрыты темнотой.

Вскоре они вышли на лунный свет. У них был слишком большой нос, зубы такие большие, что торчали изо рта, серая каменистая кожа. Они были похожи на чудовищ. Должно быть, их гримеры были очень хороши. У каждого из них были большие топоры.

"Вы можете вызвать скорую помощь? Она потеряла так много крови".

Женщина оттолкнула меня от себя.

"Беги, или эти звери будут твоим концом сегодня..."

Она еще говорила, когда топор рассек ее рот и череп, вид которого потряс меня настолько, что я на мгновение оцепенел. Я уже видел мертвое тело раньше, и я знал, что такое насилие.

То, что я только что видел, было не этим.

Я смотрела, как кровь вытекает из места удара топора, как отлетает кусок ее головы.

Я никогда не кричала так, как тогда. Он звучал так, как будто исходил не от меня. Я поднял голову и увидел, что монстр дьявольски ухмыляется, снова подняв топор. Тот, что был рядом с ним, просто смеялся.

"Мне все равно, откуда ты пришел. Я отправлю тебя туда же, куда отправил ее". Лезвие чудовища обрушилось на меня. Я бросился назад и подпрыгнул, отчего его удар пролетел мимо меня всего в нескольких дюймах и пронесся по трещинам и разрушенным бетонным конструкциям вокруг меня.

Если это была какая-то глупая шутка, то я собирался кого-то убить. Это никак не могло быть реальностью. Ни за что, черт возьми.

Но топор, едва не отрубивший мне пятку, звучал и ощущался вполне реально. Если это был сон, мне нужно было проснуться, пока я не потерял голову.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/73815/2040004>